

теля основной смыслъ книги Юр. Олеши, и именно эта сторона его творчества заставила совѣтскую критику отнестись къ ней съ подозрительностью.

На насъ, живущихъ въ иныхъ условіяхъ, эта защита права человека на «третій путь» не производитъ такого впечатлѣнія; временами эта сторона даже кажется нѣсколько слишкомъ художественно подчеркнутой. Но общій уровень разсказовъ Юр. Олеши настолько высокъ, что ему охотно прощаешь недостатки, вызванные особыми условіями, въ которыхъ ему приходится творить.

Больше приходится пожалѣть о другомъ, — что успѣхъ, выпавшій на долю «Зависти», обезпечить Юр. Олешѣ возможность опубликованія безъ особаго отбора всего, что у него скопилось за послѣдніе годы. Этимъ объясняется то, что наряду съ художественно законченными и сильными вещами, оказались въ сборникѣ вещи просто слабыя, какъ, напр., «Въ циркѣ», или взаимно повторяющіе себя автобиографическіе очерки «Человѣчскій матеріалъ» и «Я смотрю въ прошлое». Въ очеркѣ «Записки писателя» Олеша говоритъ: «У меня въ папкахъ имѣется по крайней мѣрѣ триста страницъ, помѣченныхъ цифрой «1». Это триста началъ «Зависти». И ни одна изъ этихъ страницъ не стала окончательнымъ началомъ». Къ сожалѣнію, въ отборѣ матеріала для своей книжки разсказовъ Юр. Олеши не былъ такъ требователенъ къ себѣ, какъ при работѣ надъ «Завистью».

А. Бемъ.

Д. Чижевскій. «Нариси з історії філософії на Україні». Украинський Громадський видавничий фонд. Прага, 1931, 175 стр.

«Очерки изъ исторіи философіи на Украинѣ» Чижевскій написалъ въ сотрудничествѣ съ Л. Миколаенко, которому принадлежатъ глава о Гоголѣ; что-же касается остальныхъ главъ, участіе Миколаенко состояло въ обсужденіи съ Д. Чижевскимъ содержанія ихъ.

Исслѣдованію исторіи украинской философіи Чижевскій предпо-сылаетъ общія соображенія о національномъ характерѣ украинцевъ и факторахъ развитія украинской культуры. Здѣсь онъ отмѣчаетъ эмоціонализмъ, сентиментализмъ и лиризмъ украинцевъ, ихъ юморъ, эстетизмъ украинской народной жизни и обрядности, индивидуализмъ и стремленіе къ свободѣ. Въ связъ съ этими чертами народнаго характера онъ ставитъ украинское барокко, съ его декоративностью, пышностью, импозантностью, стремленіемъ больше «казаться», чѣмъ «быть»; этотъ стиль онъ находитъ не только въ искусствѣ, но и въ душевномъ строѣ, въ «психическомъ авантюризмѣ» нѣкоторыхъ видныхъ людей XVII и XVIII вѣковъ (Мазепа, Могила, Прокоповичъ). Продолженіе проявленій того-же душевнаго строя въ новомъ видоизмѣненіи онъ усматриваетъ въ украинскомъ романтизмѣ XIX в.

Въ главѣ «Философія въ старой Украинѣ» даны свѣдѣнія о зна-

комствѣ древней Руси съ святоотеческою литературою, далѣе въ XV-XVI в. в. о сектѣ жидовствующихъ и ея связяхъ съ еврейскою и арабскою философіею. Весьма содержательны отдѣлы этой главы, посвященные вопросу объ изученіи философій украинцами въграничныхъ университетахъ и дома, а также о философскомъ чтеніи того времени. Широта и разнообразіе интересовъ, порожденныхъ отчасти борьбою православія, католицизма, протестантизма и униатства, выражается въ этомъ чтеніи, и объясняетъ ту культурную подготовку украинскаго общества, благодаря которой Кіевская Академія дала въ первой половинѣ XIX в. рядъ видныхъ профессоровъ философій, занявшихъ кафедры въ русскихъ университетахъ (напр., Веллаевскій, Юркевичъ).

Въ главѣ «Кирилло-меѳодіевцы» сообщены чрезвычайно цѣнныя для исторіи духовной культуры Украины и Россіи вообще свѣдѣнія о Кулишѣ, Костомаровѣ, Шевченко и Гулакѣ. Онѣ указываютъ на связи ихъ съ западно-европейскимъ романтизмомъ и попытками синтеза христіанства съ социальнымъ и національнымъ радикализмомъ, обрисовываютъ религіозность Костомарова и украино-центрическое міропониманіе Кулиша.

Особенно обстоятельно занялся Чижевскій философіею П. Д. Юркевича, проф. Московскаго университета, получившаго образованіе въ Кіевской Академіи. Чижевскій обращаетъ вниманіе на борьбу Юркевича какъ противъ матеріализма, такъ и противъ гносеологическаго идеализма; онъ обрисовываетъ его оригинальный методъ противопоставленія философій Платона ученію Канта въ рядѣ антитезъ; далѣе, онъ даетъ понятіе объ оригинальномъ характерѣ платонизма Юркевича, развившаго одновременно съ Лотце ученіе объ идеѣ, какъ идеаль, нормирующемъ реальное бытіе и мышленіе о немъ; въ заключеніе, онъ сосредоточивается на самой цѣнной и наиболѣе своеобразной сторонѣ творчества Юркевича, на его «философій сердца».

Послѣдняя глава посвящена представителямъ научной философій. Изъ нихъ наиболѣе значителенъ В. Лесевичъ, сторонникъ высоко выработанныхъ формъ позитивизма, именно кантіанскаго позитивизма и, подъ конецъ жизни, эмпириокритицизма.

Въ общемъ задача, поставленная Чижевскимъ, рассмотретьъ украинскую философію, какъ цѣлое, на протяженіи отъ начатковъ христіанства до нашего времени, нѣсколько искусственна, такъ какъ нельзя оторвать украинскую культуру отъ общерусской: начатки этой культуры въ первые вѣка христіанства древней Руси были общими у всѣхъ вѣтвей русскаго народа; эта общность оказалась настолько значительною, что даже своеобразныя вліянія западно-европейской и польской культуры въ XV-XVIII в. в., влившія новую струю въ жизнь Украины, повели не къ отчужденію ея отъ русской жизни, а только къ обогащенію общерусской культуры съ того момента, какъ Украина вошла въ составъ Московскаго государства. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ XIX в. культурный взаимообмѣнъ между Украиною, Великою Россіею и Бѣлоруссіею такъ интенсивенъ, что отдѣлить культуру этихъ

вѣтвей русскаго народа другъ отъ друга невозможно. Исслѣдованіе религіозныхъ исканій Гоголя невозможно безъ изученія связи его съ литературными кругами Москвы и Петербурга, особенно съ славянофилами. Изучая философію Юркевича детально, слѣдовало бы отдать отчетъ, имѣли ли на него вліяніе проф. Авсенева и др. русскіе мыслители. Приступая къ изслѣдованію второй половины XIX в., Чижевскій самъ говоритъ, что «полное пониманіе философскаго творчества украинскіхъ мыслителей этого времени возможно лишь на основѣ культурныхъ традицій — русской и (въ нѣсколькихъ случаяхъ) польской».

Эти замѣчанія вовсе не имѣютъ цѣлью умалить цѣнность труда Чижевскаго. Данный мною обзоръ, надѣюсь, обнаруживаетъ серьезность его работы, обиліе въ ней цѣннаго матеріала и значительность производимыхъ имъ анализомъ и сопоставленій.

Въ книгѣ помѣщены весьма оживляющіе ее портреты Феофана Прокоповича, Сковороды, Гамалии, Велланскаго, Новицкаго, Гогоцкаго, Юркевича и пр.

Н. Лосскій.

The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of Second Season of Work. New Haven. Yale University Press. 1931.

Селевкидская колонія и караванная станція на Евфратѣ, Дура Европосъ недавно еще была извѣстна ученымъ только по имени. Когда, во время великой войны, отрядъ англійскихъ сипаевъ случайно откопалъ въ пескахъ Сирійской пустыни ея превосходныя парфянскія фрески, ученые были поражены не столько самой находкой, сколько мѣстомъ ея: Дуру предполагали найти въ Месопотаміи — за Евфратомъ.

Французская Академія Надписей немедленно послѣ войны принялась за раскопки Дуры. Вскорѣ, по недостатку средствъ, работа Академіи была оставлена и только въ 1928 году возобновилась на средства и силами Яльскаго Университета въ Коннентинутѣ. Однимъ изъ отвѣтственныхъ участниковъ раскопокъ въ Дурѣ сталъ нашъ славный соотечественникъ М. И. Ростовцевъ. Лежащій передъ нами богатый иллюстрированный томъ, въ 225 стр. in 4°, является «предварительнымъ отчетомъ» о второмъ уже «сезонѣ» этой, возобновленной работы (Окт. 1922 — апр. 1929 г.).

Читателямъ «Совр. Зап.» Дура и ея развалины знакомы по печатавшимся здѣсь (№ № 41-44) очеркамъ проф. Ростовцева «О Ближнемъ Востокѣ», вышедшимъ затѣмъ и отдѣльнымъ изданіемъ. Сперва македонская, потомъ парфянская пограничная крѣпость, — съ начала 2-го вѣка владѣніе римлянъ, — въ качествѣ важной караванной станціи Дура выдвинулась уже въ римскую эпоху, съ расцвѣтомъ дальневосточной (индійской и китайской) торговли Пальмиры. Географическое положеніе Дуры на перекресткѣ великихъ цивилизацій (арамей-